Феноменальные мировые рекорды установили легкоатлеты социалистических стран на международном турнире «Олимпийский день» в Берлине.

ЛЕГКОАТЛЕТЫ ШТУРМУЮТ РЕКОРДЫ

В столице ГДР собрались спортсмены из 18 стран. Среди них — немало чемпионов и рекордсменов мира. Зрители, а их на стадионе имени Фридриха-Людвига Яна собралось более 21 тысячи, чинно, как на концерте классической музыки, аплодировали хорошим результатам. Но за секунды, пока летело копье, посланное Уве Хоном из ГДР, все успели понять, что происходит что-то невероятное. И все вскочили на ноги. А копье все летело. Позади осталась вся разметка на поле. И только перед ограждающей сеткой копье коснулось земли. Сколько же, сколько? На табло даже не хватает места для такого результата. Впервые копье улетело за 100-метровую отметку — 104 метра 80 сантиметров. Прежний рекорд мира американца Тома Петранноффа улучшен на 5 метров 8 сантиметров.

Прошло всего семь минут после установления рекорда. Едва-едва улеглось ликование. А стадион опять замирает. Болгарская спортсменка Людмила Андонова просит установить планку на рекордной высоте — 206 сантиметров. *Разбег... Высота взята!* Пока стадион вновь бушует от восторга, судьи проводят контрольный замер. И на табло появляется новая цифра — оказывается, планка стояла на высоте 2 метра 7 сантиметров! В единоборстве с Тамарой Быковой, теперь уже экс-рекордсменкой мира, Людмила Андонова улучшила мировой рекорд сразу на 2 сантиметра.

Г. ПАШКОВ.
(Наш соб. корр.).

Берлин.

Вот это вес!

Андреас Бен (весовая категория до 67,5 кг) установил новый мировой рекорд в двоеборье на проходящем в Шведте чемпионате ГДР по тяжелой атлетике — 352,5 кг.

(ТАСС).

Салют клинков

В венгерской столице завершились международные соревнования по фехтованию спортсменов социалистических стран.

Да, яркий фестиваль фехтовального спорта завершен. Последним аккордом состязаний стало исполнение гимна народной Польши в честь победы шпажистов этой страны в командном турнире. В финальном матче они уверенно победили спортсменов ГДР — 8:2. Третье место на пьедестале почета заняла советская команда, проигравшая в полуфинале победителям со счетом 5:9.

А перед этим решительно настроенная дружина венгерских девушек-рапористок в решающем матче нанесла поражение нашим фехтовальщицам — 9:2. Серебряные награды явились слабым утешением для наших спортсменок уступивших первенство без борьбы.

Тем не менее советские фехтовальщики завоевали на турнире больше всех наград: 4 золотые, 2 серебряные, 1 бронзовую. На церемониале закрытия состязаний все их участники дружно аплодировали устроителям турнира — соревнования были организованы превосходно. А те, на кого выпали многотрудные хлопоты по проведению крупного международного турнира, не скрывали своего восхищения перед мастерством участников.

— Венгерские любители фехтования получили возможность наблюдать за состязаниями самого высшего уровня,— сказал ответственный секретарь венгерской федерации по этому виду спорта Тамаш Монош — победители самых представительных международных состязаний прошлых лет предстали перед ней во всем своем блеске. Мы увидели в составах команд и целую когорту молодых, талантливых спортсменов. Отметил бы, например, заметный прогресс мастеров фехтовальной дорожки из Кубы.

Несколько интервью на прощание.

Кубинский фехтовальщик Мигуэль Ортис: Прекрасные, незабываемые дни. В напряженных схватках ковалось мастерство спортсменов.

Болгарский журналист Георгий Ведродански: Турнир превзошел все ожидания. Мне доставляло большое удовольствие писать репортажи о поединках лучших спортсменов мира.

Советский тренер, выдающийся в прошлом мастер фехтования на саблях Владимир Назлымов: Борьба была очень напряженной. Но я бы отметил исключительно дружескую атмосферу этих, бесспорно, крупнейших в нынешнем сезоне состязаний по фехтованию.

М. БЛАТИН.
(Наш соб. корр.)

Будапешт.

* * *

ФУТБОЛ. Состоялся заключительный матч первого тура второго круга первенства страны. «Динамо» (Москва) — СКА [illegible]

«МОЕ СЕРДЦЕ — ЭТО НЕБО...»

В Музее искусства народов Востока — выставка народного художника Армянской ССР Рудольфа ХАЧАТРЯНА

Люди с улицы смотрят и думают: вот зажглось окно, кто-то встал ранний. Они не знают, что это девочка подошла к окну — и возник в стене восьмигранный чудодейственный кристалл, наполненный светом. Рисунок называется «*У окна*».

Человек излучает свет.

— А что такое свет, как не искренность и любовь,— думает Хачатрян и подходит к мольберту...

Только человек! Хачатрян сравнивает росписи Сикстинской капеллы с портретом Джоконды, которая кажется ему глухой и немой: настолько сосредоточена в себе, в своей внутренней музыке. Она побеждает лавину фресок, потому что в ней сосредоточена вся Галактика.

Вся Галактика в одном-единственном человеке.

Говорят, человек — зеркало природы. Задачей художника Хачатрян видит возвращение отражения к самой природе. Возвращение к самому себе. Нахождение своей Галактики.

«Здесь, свет, пожирающий цвет...» Карандашные рисунки Хачатряна — это чистота и воздушность. Это линия, которая только пытается обозначить чистоту и воздушность, никак не ограничивая и не удерживая... Я грущу, что в каждом человеке не живет Моцарт. Слова Экзюпери созвучны настроению художника, в своих моделях он ищет и обнажает моцартовское начало.

Во многих ранних рисунках властвует «принцип окна». Рисованная рама окружает портреты... Как если бы дом художника стоял у дороги, а к открытому окну подходили люди — знакомые и просто прохожие.

Приходили вместе со светом и несли в себе свет.

Мальчик Сева пристально задумчиво смотрит на замершие струны деревьев.

— Что ты видишь, строгий, ясный мальчик?

— Я открываю.

— Что открываешь ты?

— Деревья тянутся ко мне, похожи ли они на меня?

Рисунок дочери...

— С чем пришла, доченька?

— Я думаю, папа.

— О грустном или веселом?

— И о том, и о другом. Мне о многом надо подумать.

Нежное недоумение наполняет глаза женщин на портретах Хачатряна. Мягкая робость скользит по лицам легкой блуждающей улыбкой. Они словно просят снисхождения, но и гордятся собой... «Ладошка твоя щурит свет Моны Лизы»,— сказал поэт Андрей Вознесенский.

— Вот я пришла,— задумчиво говорит молодая женщина («Портрет жены»).— Я принесла цветы...

Рука ее опускается на нарисованную раму, пальцы слегка разжимаются, и чуть-чуть рассыпаются цветы.

— Я некстати,— продолжает она,— и все-таки взгляни на меня: разве могу я прийти некстати?

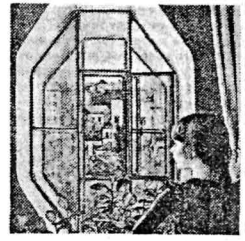
Воображаемые диалоги. На портретах Хачатряна — человек, произносящий слово. И каждая морщинка на говорящем лице человека значительна. В детстве приснился ему сон: тончайшее прорисованное лицо в «невероятном» свете. Может быть, рисунки художника — стремление достичь совершенства того идеального образа. Среди лиц юношеской поры привлекает доброе лицо бабушки. Всегда хотел быть сильным и смелым. Не уклонялся от драк, умел себя защитить. Страсти обуревали его. Влюблялся пламенно, ненавидел — навсегда. Был влюблен в воспитательницу в детском саду. Нечаянно разбил стакан. Воспитательница в дождь и слякоть погнала его домой за стаканом... Так погибла любовь. В ярости и обиде мчался Хачатрян, нарочно заскакивая в самые глубокие лужи и разбивая грязь в брызги. Где было знать воспитательнице, что стакан в доме Хачатрянов один-единственный.

Военные, голодные годы... Что рисуют в детстве? Сказку? Хачатрян рисовал печку-«буржуйку»: ярко светится сквозь ее дырочки жар сожженных дров, дрова лежат у печки...

«Если работать для хлеба — кончилась жизнь». Здесь пропущено слово «только», потому что с юности он трудился именно для хлеба — «ворочал камни» — знаменитый армянский туф, вобравший в себя свежее солнце рассвета и грустное солнце заката.

Но он работал не только для хлеба, а чтобы рисовать. Эта страсть сжигала его с самых ранних лет. Еще пятилетним набрасывал матери орнамент, она вышивала...

Потом ходил *по улицам* и рисовал людей. Особенно нравились старики. Однажды в садике подошел красивый человек с трубкой. Посмотрел на рисунок. «Сынок, приходи ко мне в мастерскую. Я — Кочар». Знаменитый Кочар, великий экспериментатор, стал «духовным отцом» мальчишки с ереванской улицы. Он мог «заражать искусством» и хвалить безудержно, но так, что это не вызывало самодовольства, но рождало желание достигать самых высоких вершин его хвалы...



Так рождался линеарный монолог Хачатряна. Сейчас *освоил он новую технику*, рисует коричневой сепией по левкасу — многослойному светлому грунту, покрывающему доску (изобретено еще древнерусскими живописцами). Художник считает, что у него наступила «стадия мрамора и бронзы». Свет сгустился и почти стал цветом. Тонкая светлость линии приобрела тональность. Рисунок стал монументальным и живописным. Но отчего-то тоскуешь по почти стерилизованной чистоте ослепительного света прежних рисунков. Хачатрян уже не обнажает моцартовское начало, а словно прячет его. Хочет защитить? Чувствует приближение Сальери? В чем это может выразиться? В чрезмерной монументализации, издержках раз и навсегда избранной манеры, «артистизме ремесла», излишнем бесстрастии иных портретов?

Бесспорно одно — новая манера позволила ему и углубиться в психологический мир своих моделей.

Хачатрян может представить свою модель в старости и «вспомнить» ее в детстве. Это помогает ему лучше понять человека.

Когда его одолевают сомнения, а творчество как бы заходит в тупик, он обращается к образу человека, которого знает и много лучше, и много хуже других. Он возвращается сам к себе. Всматривается в себя более пристально, чем обычно. И пишет автопортрет.

Мы видим — художник опустошен творчеством, изможден и как-то старроват. Морщины и тени на лице. Волосы опали колной, *рабочая блуза проста*. Навечно приговорен к труду...

Он создает автопортрет, будто идет по своим горам, как геолог — с единственной целью: найти самые ценные породы. «Я сам себя поднимаю».

И мы видим — он напряжен, полон вдохновения. Ему хочется быть легким и артистичным. Рука, красуясь, лежит на боку, карандаш — в другой, как пойманная птица.

Всецело веруя во всесилие своего карандаша, сосредоточенно-томительно смотрит он на модель. Спрашивает — утверждает:

— Кто вы, зачем вы? Все вижу, все знаю.

Смотрит на модель, как врач на больного.

Волнами живой материи заботливо и значительно окружает он лицо и тело человека. Его модель кажется одетой особенно, в старинную или специального покроя одежду. Но Хачатрян протестует, когда в одеждах находят старинный изыск, даже сердится, объясняя: «Вот это водолазка, это индийская юбка, это шаль...» Прекрасно-нежная геометрия тела «Натурщицы» увенчана тюрбаном. «Женщина после купания,— говорит художник, — Разве не так она повязывает голову...». И он прав.

Береты, складки, рюшечки смотрятся для художника знаками душевной устойчивости или смятения, выплеснутого наружу... Простой венок на голове модели вызывает ассоциацию со ста эпохами. Мы отвыкли надевать венки. Хачатрян возвращает нас к природе и красоте.

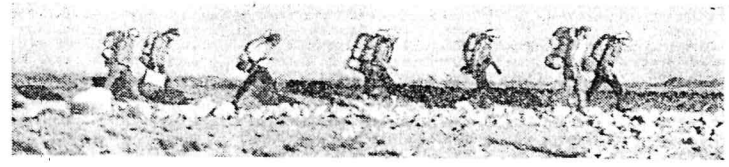
Ему дорого все, что близко окружает человека, несет его отраженный свет. Потому он рисует натюрморты. Осязаемость луковиц можешь почувствовать в руках, сорвать шершавую кожуру, вонзить зубы в ошеломляющую сочность мякоти. Но одновременно это и некий символ, прекрасная вещь природы. Поэзия металла слышится в самоваре, кастрюле, половнике. В тусклом блеске — затаенный звон.

У себя в мастерской Хачатрян своих рисунков не держит, по стенам не развешивает. Они сказали ему свое слово и ушли. Художник жадно устремлен к следующему, притягивающему его человеку, к новой Галактике.

Он мог бы повторить слова столь любимого им Аветика Исаакяна:

Мое сердце — это небо,
И любая жизнь земная
В нем свою звезду имеет,
Свой престол имеет в нем.

В ЛИПАТОВ.



ЗНОЙНЫЙ ПУТЬ

Я ПОВЕРНУЛ кран, и она пролилась на руки — прозрачная, как утренний воздух, прохладная, как стебли травы в тенистом лесу, ароматная, как цветок, умытый росой,— величайшее чудо из чудес — вода! Поэты всех времен и народов воспевали ее, наделяя волшебными свойствами, но ведь вода не только удивительнейшее волшебное вещество — она сама жизнь. Мы привыкли к ней, как к глотку воздуха, и как же часто ошибаемся, думая, что где бы мы ни были, она будет с нами всегда... Лишь в пустыне, либо вернувшись из пустыни, можно полной мерой оценить это сокровище.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, семеро отважных мужчин идут по раскаленным пескам Каракумов, и вода, которую они несут с собой и запасы которой пополняют от колодца к колодцу, не [illegible] тили вконец обессиленными. Их искали на машинах, самолетах и вертолетах, но нашли лишь через несколько дней, хотя брошенную машину разыскали очень быстро. Если бы эти двое знали закон, непреложный для всех, кто терпит в пустыне бедствие, и не ушли от машины, оба остались бы живы...

Семеро идущих сейчас через пески Каракумов хорошо и давно знают пустыню. Два года назад они впервые в истории преодолели пешком крупнейшую пустыню страны — Кызылкумы, и все время, разделявшее эти две экспедиции, напряженно и упорно готовились. Они испытали и

Крупный, сильный мужчина, Атлет. Кандидат в мастера по четырем видам спорта. Решителен, смел, при этом — рассудителен. Человек, судя по отзывам товарищей, не знающий слабости. По отношению к себе необыкновенно требователен. В экспедиции — штурман.

Николаю Устименко в пути тоже справят день рождения: ему будет 25. Он работает токарем и учится на последнем

вую программу подготовки, они вышли на старт марафонского бега. Для всех этот марафон был первым в жизни, и все прошли его до конца. Очередная победа над собой. А в этом году в Таукумах, пустыне южного Прибалхашья, они преодолели 70 [illegible]

те...» Видно было, что каждый вновь и вновь заглядывает внутрь себя, стараясь как можно более трезво оценить свои возможности.

Старт после совместного совещания с научными руководителями экспедиции было решено перенести на один день. Этот день позволял в последний раз все решительно взвесить. К тому же надо было утрясти кое-какие хозяйственные дела, получить сыворотку против укусов гюрзы [illegible]

МВ

Воскресенье, 22 июля

ДЕНЬ РАБОТНИКОВ ТОРГОВЛИ

Первая программа

8.00 — Время.
8.35 — Поет и танцует «Мазовше» (ПНР).
9.00 — «Далекое — близкое».
9.30 — Будильник.
10.00 — Служу Советскому Союзу!
11.00 — Здоровье.
11.45 — «Утренняя почта».
12.15 — Строительство и архитектура.
12.30 — Сельский час.
13.30 — Музыкальный киоск.
14.00 — Клуб путешественни-